

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

№ 4

апрель 2023

Татьяна Нешатаева: «...Оно вечно — пока существует человечество, будет существовать международное право»

Стр. 2

- Мировое соглашение как реабилитационная процедура по делам о несостоятельности (банкротстве) граждан
- Ложные воспоминания: проблемы оценки показаний участников уголовного судопроизводства
- Лица с ограниченными возможностями как участники уголовного судопроизводства
- Перспективы применения института неоспаривания фактов в арбитражном процессе РФ в свете внедрения в российскую юридическую практику стандартов доказывания

ISSN 1812-3791

9 771812 379776 >

Татьяна Нешатаева: «... Оно вечно — пока существует человечество, будет существовать международное право»

Интервью с **Татьяной Николаевной Нешатаевой**, судьей Суда Евразийского экономического союза, судьей Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, заведующей кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия, доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом Российской Федерации

— Татьяна Николаевна, Вы много лет проработали в должности судьи Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, завоевали непререкаемый авторитет в области международного и национального права. Думаю, для начала нашей беседы читателям было бы интересно узнать, каково это — пересест из кресла судьи национального суда в кресло судьи международного масштаба.

— Являясь, как и Вы, судьей Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, вот уже 10 лет осуществляю

практическую деятельность в международном Суде интеграционного объединения — Евразийского экономического союза — который действует на основе международного права, договоров и принципов.

Между тем, применяя международный договор, не обращаясь к национальным законам, Суд Союза находит минимальный консенсус в понимании этих договорных норм на пять государств — членов ЕАЭС на основе знания актуальной практики национальных судов. По итогу прежде всего я российский судья, который сегодня отправлен на работу в международный интеграционный суд.

— Вы являетесь специалистом в праве международных организаций. Какую роль Вы видите у наднациональной международной организации (ЕАЭС) в нынешнее время? Как могут развиваться ЕАЭС и Суд ЕАЭС в ближайшие годы?

— Мои учителя Г.И. Тункин и Е.А. Шибаева когда-то определили научно-исследовательское направление в виде темы международной ответственности международных организаций, объединяющей вопросы международного публичного и международного частного права. В Высшем Арбитражном Суде Российской Федерации я занималась в основном частным правом, но в связи с работой в Суде ЕАЭС вновь занимаюсь обеими сферами, действующими в балансе.

Передача полномочий от государств наднациональным международным орга-

нам, которые будут заниматься развитием определенных сфер: связь, цифровые технологии, промышленные производства, создавая обязательные для государств, их органов и граждан нормы — своеобразная тенденция нашего времени. Развитие этих сфер в рамках одной страны (даже такой огромной, как Россия) невозможно, поэтому и создаются такие субъекты международного права, как союзы, ЕАЭС и Европейский союз. Развивается сотрудничество между Союзами — ЕАЭС начинает сотрудничать с БРИКС и ШОС, поэтому кристаллизуется новая тенденция — сотрудничество Союзов, а не только государств, равно как и их конкуренция.

Безусловно, такое развитие порой не встречает широкой поддержки у национальных властных органов, несогласных с сокращением своей компетенции. Однако региональные Союзы — это порождение современного научно-технического прогресса, который, как известно, может затормаживаться, но не останавливается. Следовательно, интеграция будет развиваться. Исполнительная власть Союза — Евразийская экономическая комиссия — создает нормы права.

Суд ЕАЭС их корректирует, не дает правовой системе Союза отклониться в сторону разнородной правоприменительной практики и отходить от интеграционных принципов, заложенных в Договоре.

— Расскажите немного о Суде ЕАЭС с точки зрения судоустройства — кто является судьями в данном суде?

— Согласно Статуту Суда ЕАЭС судьями в данном органе международного правосудия должны быть профессионалы, способные работать в верховных судах государств — членов Союза. Материальная правовая норма о высокой квалификации, моральных качествах, известности кандидата в своей стране, способности быть судьей национального верховного суда в Статуте есть. К сожалению, эта норма не имеет процессуального дополнения о том, как проверяется соблюдение всех этих критериев. Это привело к тому, что в настоящее время судей верховных судов в Суде ЕАЭС не так уж много. У нас в Суде есть юристы, которые ранее работали в своих государствах в парламентах, след-

ственных, таможенных органах, что не формирует судейского мышления, клонирует навыки прежней профессии. Кроме того, отсутствует проверка качества полученного образования и т.д. В этой части Статут Суда ЕАЭС нуждается в уточнении: материальная и процессуальная нормы должны обслуживать общественные отношения в тандеме.

— В чем принципиальные отличия Вашей работы в Суде ЕАЭС, Суде ЕвразЭС от выполнения функций судьи в российской высшей судебной инстанции?

— Таких отличий достаточно много. В первую очередь, Суд ЕАЭС является судом нормоконтроля (похожим на национальный конституционный суд). Целью нашей работы является установление единообразного применения права Союза (международных договоров и решений органов Союза) в пяти государствах — членах ЕАЭС. Наш процесс предполагает, что мы в силу ст. 6 Договора должны установить, в каком соотношении друг с другом находятся международные нормы, составляющие право Союза, какая из этих норм в каждом конкретном случае имеет приоритет в применении, насколько эта норма соответствует нормам более высокого уровня (например, принципам международного права). По итогу мы предлагаем изменить (сохранить) состав норм.

Для граждан наших стран это важно: решения Суда касаются заработной платы, пенсий, лекарств, в конечном счете — стоимости товаров на всей территории ЕАЭС.

— С какими проблемами сталкивается Суд ЕАЭС в настоящее время? Существуют ли проблемы в восприятии практики Суда ЕАЭС российскими судами и судьями?

— Первой проблемой — пожалуй, достаточно странной — является то, что общественность очень мало знает о нас и крайне мало нас комментирует. Полагаю, что любой суд не может работать в «безвоздушном пространстве» и обязательно должен понимать отклик общественности и государств-членов на его деятельность.

Что касается дел, то они у нас самые разнообразные и относятся не только

к таможенным вопросам (утверждение противников интеграции). Дела, связанные с таможенным регулированием, к нам поступают в основном от физических лиц — предпринимателей и юридических лиц, они оспаривают решения Евразийской экономической комиссии о классификации какого-либо товара, не соответствующей, по их мнению, Международной конвенции о гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 г., а также тем подходам, которые имеются во Всемирной таможенной организации, Всемирной торговой организации. С этой категорией дел мы уже научились справляться.

Наиболее сложными для нас являются дела по спорам между государствами — членами Союза, а также по обращениям государств — членов ЕАЭС, органов Союза за разъяснением норм права ЕАЭС. В Суде Европейского союза подобных дел (когда наднациональный судебный орган консультирует по истолкованию соотношения норм) подавляющее количество — 95%. По значимости для Евразийского союза, развития его правовой системы такие толкования также являются основными.

Практически все государства — члены Союза уже обращались за таким толкованием. Для примера приведу два дела, поступивших от Республики Беларусь и Кыргызской Республики. В обоих случаях перед принятием национальных законов государства просили разъяснить, не будет ли предложенная формулировка проекта закона противоречить Договору. В деле 2017 г. «О вертикальных соглашениях» по обращению Беларуси мы пришли к выводу, что соответствующий закон принимать нельзя, впоследствии он не был принят в спорной редакции. В деле 2022 г. по заявлению Кыргызской Республики мы пришли к выводу, что вариант закона, предлагаемый кыргызским правительством, не противоречит нормам международных договоров. Отмечу, что Евразийская экономическая комиссия (исполнительная власть) достаточно часто обращается к нам с подобными заявлениями — когда чувствует, что могут быть нарушены основополагающие принципы евразийской интеграции. И это радует. Но до цифр Европейского союза мы пока

не дотягиваем: споров с хозяйствующими субъектами больше.

Подчеркну, что к нам начали поступать дела о нарушении антимонопольного права Союза. Такая категория сложна тем, что компетенция национального антимонопольного органа по нарушениям на внутреннем рынке государства и ЕЭК на трансграничном рынке теперь разграничена — соответственно, национальные антимонопольные органы контролируются национальными судами, а ЕЭК — Судом ЕАЭС. Противоречий в этой связи достаточно много. Примером может являться дело по заявлениям компании, зарегистрированной в России и Казахстане — ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК».

Итак, международные акты и действия (бездействия) наднациональной власти оспариваются в Суде ЕАЭС, национальные акты и т.д. — в национальных судах.

Проблема, на которой хотелось бы остановиться — это исполнение наших решений. И это порождает вопрос, с какого момента принимать во внимание наше решение? Механизма жесткого навязывания нет. Полагаю, что должен быть консенсус с доброжелательным отношением к интеграционным решениям. Пока он не сложился. Императивно считается, что признанное не соответствующим Договору решение ЕЭК продолжает действовать до его отмены ЕЭК. Между тем, если судебный акт не исполнен Комиссией, сторона может ходатайствовать перед Судом об обращении в Высший Евразийский экономический совет (к пяти президентам государств — членов Союза), Суд может направить такое обращение на уровень президентов. Пока что Суд такой механизм ни разу не использовал, так как не было должных ходатайств на должной стадии исполнения решений.

Решение Суда ЕАЭС, признавшего акт Комиссии несоответствующим Договору, безусловно, имеет значение для всех государств — членов Союза. В этом и есть единообразие практики, и российские суды ориентируются на нашу практику: были приняты разъяснения высших судов, согласно которым судебной системе следует учитывать практику Суда ЕАЭС при рассмотрении конкретных дел. Отмечу, что заявители должны действовать более

активно в этой части — например, ходатайствуя о приостановлении решений Комиссии (такое у нас было лишь однажды). Именно такие меры могут привести к тому, что наше толкование будет действовать непосредственно после вынесения решения. Иными словами, процедура в Суде нацелена на активную позицию сторон в споре. К сожалению, пока «активничает» только власть — ЕЭК.

— Решение Суда ЕАЭС по какому делу можно было бы оценить как наиболее «резонансное»?

— Таких решений можно привести несколько. Причем резонанс вызывался в совершенно разных средах — в ЕАЭС, в Европе, других государствах и научной сфере. Самое резонансное дело для евразийской интеграции — межгосударственный спор между Россией и Беларусью по вопросу транзита товаров из Калининграда через территорию Литвы и Беларуси в торговые сети других регионов России. Наша правовая позиция стала впоследствии нормой Таможенного кодекса ЕАЭС.

Во всех государствах — членах Союза был резонанс в связи с нашим консультативным заключением по делу «О вертикальных соглашениях», поскольку в нем было дано определение наднационализма и наднационального акта. Этот термин является дискуссионным в науке, теперь раскрыт Судом, его стали широко употреблять.

В Европе резонанс получило консультативное заключение «О правах спортсменов». Оно было вынесено в пользу армянских спортсменов, в отношении которых применялся «лимит на легионеров» согласно российским национальным актам — т.е. не учитывалось, что для целей участия во внутрirosсийских соревнованиях игроки из Армении должны иметь равный с российскими спортсменами статус. Это консультативное заключение было воспринято в Российской Федерации и исполнено, а также за пределами ЕАЭС было оценено как способствующее движению рабочей силы. Считаю, что в этом деле мы дали скорее активистское толкование, расширив тем самым свою компетенцию, но рада отсутствию критики, ибо акт либерализовал права граждан.

— В настоящее время много говорят о создании суда по правам человека в ЕАЭС, БРИКС, ШОС, а также о создании такой инстанции в рамках российской судебной системы. Как Вы думаете, эти предложения реализуемы?

— У меня когда-то лет 10 назад был спор с заместителем Председателя ЕСПЧ А. Нуссбергер, которая уже считала, что защита прав человека является универсальной нормой международного права, принятой всеми государствами.

Я сомневалась, что это уже произошло: сверхимперативная норма международного права *jus cogens* в этой сфере не сформировалась, существуют договорные нормы: есть Пакты о правах человека, Комиссия по правам человека ООН, но в настоящее время все это не привело к формированию общего принципа *jus cogens*. Поэтому для многих государств Азии, Африки и т.д. эти нормы еще не являются абсолютно естественными для их правовых систем. Полагаю, что для правовых систем, основанных на римском праве, которые складывались на Европейском континенте с Древней Греции, Древнего Рима, эти нормы являются естественными и имеют характер императивных норм, т.е. в европейском праве это уже *jus cogens*, но не во всем мире.

Отсюда Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и основа, на которой стоял ЕСПЧ, и наше участие в них очень повлияли на нашу Конституцию 1993 г., Конституционный Суд Российской Федерации и его практику, а также практику Верховного Суда Российской Федерации. То есть защита прав человека, будучи «зонтиком», который стоит над всей Конституцией Российской Федерации, стала для нас совершенно естественной. Поэтому считаю, что такой орган в России можно создать (неважно — при Верховном Суде Российской Федерации или же в виде отдельного суда). Но не следует отдавать эти полномочия лишь Конституционному Суду Российской Федерации, состоящему из 11 судей, поскольку количество дел по защите прав человека станет для него непосильным бременем, у этого суда серьезный объем полномочий по вопросам публичного порядка, и наделять его

лишь полномочиями, нацеленными на защиту прав человека, — это создать дисбаланс, поскольку Конституционный Суд должен стоять на защите всей правовой системы, всех вопросов, а не фиксироваться лишь на защите прав человека, который сам порой может нарушать публичный порядок.

Другие государства — члены ЕАЭС занимаются вопросом защиты прав человека самостоятельно и развивают защиту прав человека через практику конституционных судов — такие полномочия появятся у Конституционного Суда Республики Беларусь, уже имеются в Конституционном Суде Республики Казахстан, Конституционном Суде Республики Армения. Если будет развиваться в этих судах практика и образовываться консенсус, со временем возможно, что такой международный суд будет создан на евразийском пространстве. Но для этого должны созреть условия: общественные отношения во всех странах.

Что касается Суда ЕАЭС, у него другая важная и масштабная задача — способствовать созданию единой экономики для евразийских государств, ведь все больше вопросов передается на регулирование Комиссии, чьи решения мы проверяем. В том случае, если передать вопросы защиты прав человека напрямую в компетенцию Суда ЕАЭС, это отвлечет его от вопросов экономической интеграции. В то же время в преамбуле Договора указывается, что Союз создан с учетом принципа конституционных прав и свобод человека и гражданина, поэтому Суд всегда должен иметь это в виду при рассмотрении конкретных дел по проверке решений Комиссии. Суд аккуратно анализирует практику других международных судов в этом вопросе и старается не отклоняться от общих подходов. Не исключаю расширение компетенции Суда со временем и в этом направлении.

— Работая в Высшем Арбитражном Суде Российской Федерации, в Суде ЕврАзЭС, Суде ЕАЭС, Вы много сотрудничали с Советом Европы и участвовали в реформировании ЕСПЧ. Имеет ли смысл российским судьям продолжать изучать

практику ЕСПЧ после выхода Российской Федерации из Совета Европы?

— Суд ЕАЭС изучает практику международных судов, продолжает изучать практику ЕСПЧ, если мотивировка решения этого суда была правосудная и эффективная, что согласуется с выступлением Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина на X Санкт-Петербургском международном юридическом форуме, в котором указывалось позитивное влияние ЕСПЧ на российскую судебную практику.

Но, безусловно, относиться к практике ЕСПЧ или Суда ЕС надо не восторженно и с аплодисментами, а критично, оценивая ее с точки зрения наших ценностей и нашей ментальности — как это и происходит в российском Конституционном Суде, а также в Суде ЕАЭС. Решения, которые касаются прав трансгендеров, смены пола, нетрадиционных сексуальных меньшинств, трансплантации органов требует осторожного отношения — наука еще не доказала, что тенденция, взятая этим судом, устойчива, правильна и не идет на разрушение человеческого общества. Здесь важно учитывать и анализировать, что важнее — естественно-биологическое развитие человека или те изменения в его развитии, которые вносятся наукой и ее практическим применением. Я могу казаться консервативной, но полноценной поддержки в современном мире такие эксперименты не нашли (хотя известны с древних времен), и, возможно, подходы сегодняшнего дня со временем окажутся очередным заблуждением человечества. Здоровый консерватизм в этих вещах надежнее.

— Как будут исполняться решения ЕСПЧ, вынесенные после 16 марта 2022 года?

— Тут важно скорее не мое мнение, а четкое положение закона — напрямую они исполняться не будут (как это ранее было предусмотрено ратификационным законом к ЕКПЧ). Но судебная позиция ЕСПЧ, если она соответствует нашим конституционным началам, впоследствии может быть повторена (поддержана)

в решениях судов на евразийском пространстве.

— Помимо судейской работы Вы активно занимаетесь научной деятельностью. Как Вы оцениваете нынешнее состояние российской науки международного права?

— Какой сложный вопрос! Должна Вам сказать, что серьезные, большие ученые в области международного права были штучным товаром, но были всегда. Одновременно существовало множество лиц, паразитирующих на научных знаниях. В этом плане ничего не изменилось — «липовые» диссертации защищаются и сегодня.

Причем всегда в России были ученые, оказавшие влияние на развитие международного права в мировом масштабе, — например, Г.И. Тункин. Или европейской науки международного права — Г.В. Игнатенко, А.П. Мовчан, Н.А. Ушаков. И ранее в Российской империи — достаточно вспомнить Л.А. Комаровского, который описал структуру международного суда и в XIX в. казался достаточно странным человеком не только в России, но и в Европе. Однако по его подходам был создан и Международный суд ООН, и ЕСПЧ, и Суд Европейского союза. Поэтому эффективных российских ученых-международников было немного, но они всегда оказывали серьезное влияние на развитие науки в целом. Ученые-дипломаты сыграли огромную роль в создании международного гуманитарного права — например, Ф. Мартенс, автор знаменитой «оговорки Мартенса».

Вообще я считаю, что наука международного права не может быть национальной, ведь международное право — единственная ценность, которая связывает человечество друг с другом, и развивается на его основе единая международно-правовая наука. И «расташить» по национальным квартирам — это значит ее погубить. Попытки национальных юристов объявить себя международниками (а эта тенденция набирает силу) и применить национальную теорию права к международному праву никакого влияния на

международное право не оказывают, но развитию науки международного права в России вредят — впрочем, вспомним другую сферу, генетику: Лысенко — Вавилов. Как в фильме: «сила в правде». Вавилов хоть и посмертно, но победил. Так же и здесь: международное право — своеобразная система, развивающаяся по своим законам, имеющая свою философию и теорию, что и подтверждается тем, что всегда в науке есть особая специальность — «международное право».

Серьезные ученые, способные оказывать влияние на развитие международного права в России, по-прежнему есть. Я бы могла отнести к таким профессорам Л.Н. Галенскую (Санкт-Петербург), С.Ю. Марочкина (Тюмень), А.И. Абдуллина (Казань), безусловно, московских профессоров А.Я. Капустина, А.Х. Абашидзе, В.М. Шумилова и т.д. Как и в советский период, так и сейчас Российская ассоциация международного права объединяет людей, понимающих и знающих международное право на серьезном уровне.

Рядом с серьезными учеными имеются лица, объявляющие себя в нем специалистами, но зачастую не различающие право и смежные дисциплины (например, политологию). Но не следует их отрицать, поскольку публицистическое освоение международного права, яркие статьи о нем тоже работают на развитие международного права: знакомят с ним общественность. А вот практикующим юристам могут и навредить.

— С 2001 года Вы руководите кафедрой международного права РГУП. Что менялось в Вашей работе за это время?

— Кафедра международного права РГУП — это очень серьезное детище, невозможное без моих учителей, Г.И. Тункина, О.И. Тиунова, а также В.Ф. Яковлева, который считал, что каждый судья, являющийся ученым, должен нести свои знания судьям и государственному аппарату (чиновникам). В.М. Лебедев и В.Ф. Яковлев создали Российскую академию правосудия (ныне — РГУП), куда я была приглашена руководить

кафедрой международного права с целью обучения судей и воспитания молодых специалистов-международников, поскольку их в области международного частного права в стране не хватало. По-моему, мы справились. На сегодняшний день кафедра имеет 55 выпускников — кандидатов наук, 4 доктора наук, причем очень серьезных — достаточно назвать ведущего специалиста в международном банковском праве Н.Ю. Ерпылеву. Кроме того, специалисты кафедры очень востребованы во многих государственных органах — руководят международно-правовыми департаментами государственных органов выпускники нашей кафедры.

Но «добрая слава лежит, а дурная бежит». Псевдоспециалисты не раз пытались разрушить кафедру, специализацию: «международного права нет», «специализация не нужна», «другие люди справятся лучше» и т.д. Но мы с этими нападками справляемся. Кафедра на данный момент большая — порядка 25 преподавателей, готовит специалистов по международному публичному и международному частному праву, а еще осуществляет высококлассную языковую подготовку. Знание языка у выпускников очень хорошее, что подтверждают призовые места на международных студенческих соревнованиях по международному праву — например, последняя наша большая победа была на конкурсе для вузов азиатского региона в Японии. Кафедра проводит и конкурс по праву ЕАЭС «Разрешение споров в Евразийском экономическом союзе», за что благодарю Президента РГУП В.В. Ершова.

— 2022 год многое изменил в восприятии международного права — некоторые говорят о его «кризисе», «отсутствии» и даже «конце». Так ли плохи дела у международного права?

— Для меня это звучит странно. Международное право базируется на других принципах: здесь нет верховенства воли одного лица — правителя. В международном праве все регулирование возникает медленно, через практику, судебные решения и согласование воли. Оттого, что оно возникает не так, как национальное право, некоторым кажется, что права нет или это «неправо». Но оно вечно — пока

существует человечество, будет существовать международное право. Международное регулирование возникло раньше национального — стоит обратиться к *jus gentium* в Древнем Риме, который появился раньше *jus civile*. В России произошло то же самое — посмотрите недавний труд П.В. Крашенинникова, который указывает, что положения договоров IX, XV вв. переходили в национальное право. Что же переносилось? Принципы, т.е. естественные нормы поведения, сначала формулировались в международном праве, а потом переходили в национальное — то, что сейчас именуется сверхимперативными принципами *jus cogens*, которому должны соответствовать все национальные законы, а также международные договоры.

Сегодняшний период развития международного права оцениваю как переломный, способствующий появлению новых, надеюсь, более гуманных договоров и обычаев. И сегодня нормы международного права действуют эффективно — на основе этих норм из зоны боевых действий возвращаются раненые, пленные и т.д. Все это делается на основе норм международного права — знаменитой «оговорки Мартенса» о действии международного права в период войны. Кроме того, на основе международного права защищается интеллектуальная собственность; за счет этих правил наши авторы, исполнители продолжают получать отчисления; все, что происходит в космосе, на море, в Арктике регулируется международным правом и т.д.

За кризис выдаются амбиции недоброжелателей цивилизованного сотрудничества. Такие политики, ученые были всегда, но человечество ими не исчерпывается.

— Что можете пожелать нашим читателям?

— Только одного. Всем судьям — всегда быть исключительно эффективными, беспристрастными, милосердными, рациональными, соблюдающими требования принципов международного права, и испытывать удовольствие от своей работы. Лучшей работы для юриста просто нет.

Беседу вел
Анатолий Бабкин